ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

УДК 316.334.56 Научная статья

Иван Николаевич Алов✉
канд. географ. наук, доцент каф. региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН); доцент Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского факультета городского и регионального развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: ialov@hse.ru; alov-in@rudn.ru

Дмитрий Сергеевич Матвеев
студент факультета городского и регионального развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: dmsematveev@edu.hse.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ БАРЬЕРНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ НА МАТЕРИАЛЕ МУРМАНСКА

Применимость классических концепций сегрегации к анализу постсоветских городов остается дискуссионной, что требует разработки адаптированных исследовательских подходов. *Цель статьи* — разработать и апробировать методику оценки сегрегационных процессов через анализ развивающейся изоляции городских районов, рассматриваемой как комплекс социально-пространственных и ментальных характеристик, ограничивающих внутренние и внешние взаимодействия. Исследование выполнено на примере трех районов Мурманска (Петушинка, Жилстрой, Росляково) с разной степенью изоляции. Применен комплекс полевых методов: картографирование, полуструктурированные интервью с жителями и представителями администрации, визуальный

анализ. Данные дополнены анализом социально-экономических показателей (стоимость жилья, обеспеченность инфраструктурой, транспортная доступность и др.). Выявлено, что изоляция формируется сочетанием физических барьеров, удаленности, стигматизации и особенностей локальной идентичности. На примере района Петушинка показано, что именно этот комплекс характеристик порождает сегрегационные процессы эксклюзии и стигматизации. Апробированная концепция позволяет анализировать сегрегацию не как статичный паттерн, а как динамический процесс, укорененный в конкретных условиях российского города. Разработанный подход, фокусирующийся на процессе изоляции и взаимосвязях различных барьеров, адаптирует классические теории городского неравенства к постсоветскому контексту и позволяет выявить механизмы социально-пространственного расслоения в условиях современных российских городов.

Ключевые слова: изоляция, сегрегация, барьерность городской среды, городское неравенство, Мурманск.

Для цитирования: *Алов И. Н., Матвеев Д. С.* Социальная изоляция как следствие барьерности городской среды: критическое осмысление идей чикагской школы на материале Мурманска // Социология города. 2026. № 3. С. 5—32. DOI: 10.35211/19943520_2026_3_5

Прочтение работ чикагской школы в Мурманске

«Я американец, родился в Чикаго — мрачноватый город этот Чикаго, — держусь независимо — так себя приучил и имею собственное мнение: кто первым постучит, того и впустят» (Беллоу, 2010). Это начальные строки «Приключений Оги Марча», классического романа о Чикаго нобелевского лауреата Сола Беллоу. Они могли бы служить эпиграфом для пионерных работ о сегрегации Л. Вирта, Р. Э. Парка, Э. У. Берджесса и других представителей чикагской школы. В этой фразе отражена квинтэссенция «чикагского взгляда» на процесс, руководящий логикой пространственного неравенства и сегрегации, — стремление мигрантских групп и их потомков (американцев в первом поколении, как Оги Марч) к «допуску» в американское общество, т. е. к ассимиляции. «Чикагцы», как правило, связывали ее с аккультурацией и американизацией (Rosenthal, 1960).

В общей модели ассимиляции группы проходят этапы дезорганизации и реорганизации, после которых их расселение становится более дисперсным, культурные связи — менее тесными, а восприимчивость к «американским стандартам жизни», наоборот, усиливается (Cressey, 1938). Пространство-время этого процесса описывается концепцией экологической сукцессии: по мере накопления капитала группы мигрантов перемещаются из геттоизированных центральных районов города на окраины с преобладанием среднего класса и затем в благополучные пригороды, достигая полной ассимиляции (аккультурации/американизации), «растворяясь» в космополитичной субурбии (Park, 1915; Thomas, Park, Miller, 1921; Park, Burgess, McKenzie, 1925). Термин succession хорошо отражает разные грани ассимиляции: это одновременно последовательность перемещений, сукцессия как закономерная смена одного биологического сообщества другим за счет влияния внешних и внутренних факторов, а также образ успеха (success).

Разработанная еще до Великой депрессии, модель экологической сукцессии обнаружила свой прогностический потенциал, когда после Второй мировой войны в США началась массовая субурбанизация. Однако в пригороды «впускали» не всех, поскольку практическое применение более поздней «чикагской» секторной модели Хойта непосредственно привело к закреплению афроамериканских гетто в ядрах городских агломераций (Алов, 2022). Это стало возможным из-за политики редлайнинга — своего рода скоринга городских районов на предмет риска невозвращения местными жителями ипотечных кредитов в рамках реализации Национального закона о жилищном строительстве (National Housing Act of 1934), принятого администрацией президента Ф. Д. Рузвельта в ответ на последствия Великой депрессии. Подчеркнем, что в задачи Корпорации кредитования и ее практической реализации не входило «конструирование гетто» или осознанное ухудшение жизни афроамериканцев, однако различные рабочие материалы ответственного органа, Корпорации кредитования домовладельцев (Home Owners' Loan Corporation — HOLC), свидетельствуют об имплицитной расовой дискриминации при выделении «красных», т. е. бесперспективных для выдачи кредитов, районов (Michney, 2021). Итогом грандиозной программы повышения доступности нового жилья стало резкое ее снижение в бедных районах, диспропорционально населенных афроамериканцами (Rothstein, 2017). Вследствие этого афроамериканские гетто, изолированные и бедные районы, сформировавшиеся еще до начала работы HOLC, закрепились в городской ткани на десятилетия вперед (Ibid; Rovner, 2021).

Помимо очевидных причин, связанных с расизмом и дискриминацией, афроамериканцы оказались изолированы от белого американского большинства и ассимиляции еще и потому, что вследствие рабовладения на Юге они «постучались» последними: крупные сообщества афроамериканцев на юге Чикаго и в других городах за пределами Американского Юга, как правило, появлялись позже, чем районы европейских мигрантов (с рядом исключений вроде Нью-Йорка, Вашингтона, Бостона).

Вирт в своей работе «Гетто» предполагает, что сегрегация афроамериканцев имеет схожую природу с концентрацией евреев в гетто европейских городов Нового времени и США XX в. (Wirth, 1928; 20). Из этого допущения он выводит заключение о применимости результатов его анализа расселения евреев (а также идеи об экологической сукцессии) к моделированию расселения афроамериканцев (Ibid: 230–231). Последовавшие после первой публикации «Гетто» десятилетия истории американских городов показали, что это совершенно не так.

Ошибочная гипотеза Вирта о том, что расселение афроамериканцев в неюжных городах США подобно расселению других мигрантских групп, впрочем, парадоксальным образом приводит к универсальности выводов «чикагцев». При наличии серьезных эмпирических опровержений мы можем читать их работы как схематичные, дающие концептуальную рамку для изучения неравенства, сегрегации, изоляции и других процессов дифференциации городского населения в иных реалиях. Именно в работах чикагской школы получили развитие идеи У. Э. Б. Дюбуа о пространственном выражении социальных процессов в городе.

Заменив чикагский контекст на мурманский, мы можем сформулировать проблему исследования, которая была бы в равной степени интересна и академическому сообществу «Города ветров» в первой половине XX в., и российскому обществу 100 лет спустя. Мурманск, как и другие постсоветские города, обладает как минимум очевидным потенциалом к возникновению и воспроизводству паттернов неравенства. Этому благоволит сильная барьерность физической среды города вследствие сразу нескольких предпосылок: разнообразия рельефа (гипсометрическая дифференциация городской среды может создавать устойчивые пространственные паттерны неравенства (Ueland, Warf, 2010)), социалистических градостроительных решений (расчлененность города многополосными автодорогами, пустырями, промзонами и другими не-местами нередко приводит к формированию изолированных районов, что чревато ростом преступности — наиболее радикально это проявилось в 1990-е гг., например в Набережных Челнах (Глазычев, 2003)), трансформаций структуры землепользования и практик ее закрепления в постсоветский период (что отразилось в резком повышении престижности центральных районов городов (Трущенко, 1995; Махрова, Голубчиков, 2012)).

Наш интерес как исследователей заключается в анализе формирования социально-пространственной сегрегации в периферийных районах Мурманска как результата развивающейся изоляции. Она, в свою очередь, определяется вышеобозначенными свойствами физического пространства, а также динамикой социальных взаимодействий между индивидами и группами. Чтобы четко очертить концептуальный аппарат исследования и вывести из него исследовательский вопрос и методику, мы предлагаем обратиться к богатому наследию чикагской школы и предложить его перепрочтение в контексте Мурманска.

Сегрегация и изоляция: разделение для российского контекста

Начиная с ранних работ чикагской школы, в исследованиях любых форм разделения горожан концепты изоляции и сегрегации находятся в диалектическом единстве. Одно не существует без другого, при этом прочертить границы между ними часто бывает сложно. Некоторые исследователи вообще отождествляют эти термины (Van Der Laan Bouma-Doff, 2007).

Понятие сегрегации так и не получило конвенционального определения. Подход к нему зависит от ответов на ряд теоретико-методологических вопросов о цели исследования, соотношении социально-экономических и пространственных факторов формирования сегрегации, распределении роли государства, бизнеса, различных социальных групп городского населения. В результате многообразия ответов на данные вопросы универсального определения понятия сегрегации нет (Newby, 1982; Kaplan, Woodhouse, 2005; Louf, Barthelemy, 2016; Алов, 2021).

Видение Парка и последователей совмещает в себе рассмотрение сегрегации как временно́го процесса и как пространственного паттерна: любые группы горожан стремятся к гармоничному существованию, для чего они и проходят стадии сукцессии. Сегрегация — это и сам процесс (Park, 1915), и сложенный им паттерн (Park, 1926). Город разделяется на «естественные»

части в результате конкуренции между группами и итогового «доминирования» каждой из них над соответствующей территорией.

Парк, Берджесс и Вирт позиционировали сегрегацию как естественный ответ общества на быстрый рост и развитие города, и его необходимо учитывать в городском управлении (Park, Burgess, McKenzie, 1925; Park, 1926; Wirth, 1928). Это предположение исходит из принципов моделирования городского развития, в рамках которого «чикагцы» отводили большую роль барьерам. Физические барьеры предопределили развитие социальных барьеров, а значит, любой город, в котором эти барьеры существуют (т. е. любой реальный город), неизбежно будет сегрегирован. Соответственно, обязательным условием возникновения сегрегации является физическая изоляция.

«Естественность» сегрегации опроверг Г. Мюрдаль, предложив принцип кумулятивной причинности. Полученная им (во многом за это открытие) Нобелевская премия по экономике 1968 г. закрепила в массовом сознании связь этого принципа с накоплением и воспроизводством позитивных эффектов социально-экономического благополучия (Fujita, 2007). Однако задолго до признания своей теории Мюрдаль вывел ее из эмпирических данных об афроамериканских гетто, изучая воспроизводство негативных эффектов сегрегации и бедности. Он видел в сгущающихся социальных проблемах сегрегированных и — в ту эпоху — повсеместно изолированных районов следствие неравенства, искусственно созданного с помощью институционализированного расизма (Myrdal, 1944).

Проблемный подход к изучению изолированных и сегрегированных районов Мюрдаля проложил альтернативный чикагской школе, афроамериканоцентричный путь осмысления этой темы. Начатый еще в конце XIX в. социологом, историком и панафриканистом У. Э. Б. Дюбуа (Wright II, 2017) и продолженный учеником Мюрдаля, социальным психологом К. Б. Кларком, этот взгляд был более критичным и менее пространственно динамичным, чем модель экологической сукцессии. По Мюрдалю и Кларку, в сегрегированных районах не начинали свой путь к успеху, а застревали, все сильнее укореняясь в социальных патологиях (Clark, 1965).

При этом полученные в результате полевых исследований результаты в большей степени укладываются в представление Мюрдаля и Кларка о сегрегированных районах как проблемных и воспроизводящих негативные эффекты неравенства, а не в динамичную, во многом оптимистичную картину Берджесса, впоследствии де-факто разрушенную разработкой секторной модели Х. Хойта, которая, во-первых, констатировала сложившееся неравенство, а во-вторых, де-факто использовалась практиками для институционализации расовой сегрегации на рынке ипотечной недвижимости (Rothstein, 2017; Rovner, 2021; Ware, 2021).

Учитывая многообразие используемых концептуальных подходов к изучению и различению сегрегации и изоляции в городе, мы хотели бы обратиться к составленной специально для снятия противоречий между американским и российским контекстами модели сегрегационных процессов. К основным различиям следует отнести отсутствие расового аспекта в социальных процессах в России, разные системы планирования городов (капиталистическая и социалистическая), разную историю формирования институтов местного самоуправления и городской политики. При этом наиболее

распространенные методы оценки сегрегации в значительной степени используют именно этнорасовую «оптику».

Здесь необходимо сделать важную оговорку, определяющую, как именно мы работаем с наследием чикагской школы и Мюрдаля. Оба подхода описывают один и тот же процесс — закрепление группы в изолированном районе, — но расходятся в объяснении его природы. Для «чикагцев» сегрегация есть стадия поступательного процесса: группа накапливает капитал, проходит дезорганизацию и реорганизацию и в конечном счете «растворяется» в американской субурбии. Для Мюрдаля и Кларка сегрегация есть тупик: группа не проходит болезненную стадию, а фиксируется в ней, и кумулятивная причинность работает не на подъем, а на воспроизводство негативных эффектов. Различие принципиально: в первом случае изоляция — это предтеча интеграции, во втором — препятствие для нее. Именно это различие мы и предлагаем использовать как рабочую «оптику» для Мурманска: вопрос не в том, есть ли сегрегация в Петушинке, а в том, к какому из двух типов она относится — к сукцессии или к кумулятивной причинности. Иначе говоря, чикагская школа задает способ описания пространственной динамики, а Мюрдаль — логику ее социальных последствий, и оба подхода проверяются на материале города, где расовый фактор отсутствует, а барьерность среды выражена предельно выпукло.

Слабой применимости американских методологических установок в ином городском контексте посвящен ряд работ британского географа С. Пича. Он отмечает, что для мигрантов в Великобритании пространственная концентрация в неблагополучных районах служит ранней стадией дальнейшей интеграции в принимающее общество, которая позволяет пройти этот процесс более плавно. Афроамериканцы, будучи частью американского общества, не имеют возможности интегрироваться, живя в гетто, потому что это не стадия интеграции, а итог дисфункции оной (Peach, 1996a; Peach, 1996b). Несмотря на то что российский контекст развития сегрегационных проявлений ранее не сравнивался с американским, можно смело утверждать, что российские города отличаются от американских как минимум не меньше, чем британские.

Модель была предложена одним из авторов в рамках проекта фонда «Институт экономики города» (Алов, 2020; Алов, 2022) (рис. 1). В настоящей работе она незначительно доработана и необходима для ориентации в связанной с сегрегацией терминологии, различения сегрегации и изоляции и разрешения других концептуальных противоречий.

Главное положение модели: измерения сегрегации не статичны, а представляют собой динамические процессы. Эти процессы могут быть выражены в разной степени, и их оценка не должна быть бинарной («есть» или «нет»).

Чтобы отделить сегрегацию от базовых средовых характеристик города и не считать ее «естественной», мы предлагаем выделить два повсеместных досегрегационных процесса: дифференциацию и изоляцию. Первый — не интерпретируемая в проблемном ключе неравномерность расселения социальных групп с общими характеристиками (социально-экономическими — доход, занятость, уровень образования и др.; этническими/расовыми — понимаются нами в конструктивистском значении, т. е. производимые социальными взаимодействиями). Второй — удаленность территоризированной со-

циальной группы от основной части городского сообщества за счет разнообразных барьеров (пространственных — задаваемых физической средой, ментальных — субъективным восприятием некой группы как удаленной). Соответственно, мы выделяем пространственную и ментальную формы изоляции.

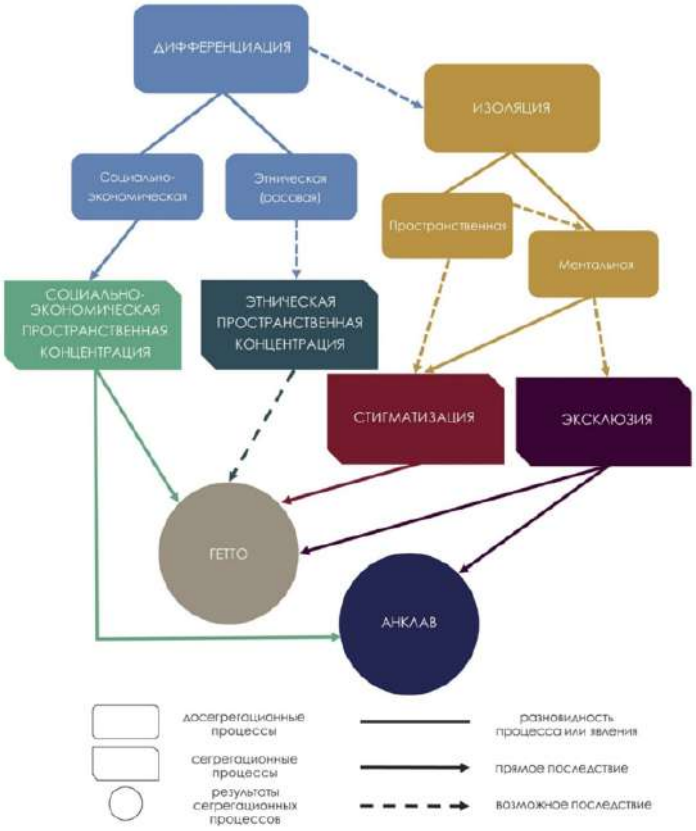

Рис. 1. Схема сегрегационных процессов
Примечание. Все рисунки составлены авторами.

Два досегрегационных процесса с двумя вышеописанными подвидами с разной степенью вероятности — при максимизации их проявлений — могут стать триггерами для сегрегационных процессов. Наиболее вероятные следствия максимизации ментальной и пространственной изоляции — стигматизация и эксклюзия. В процессе стигматизации определенное сообщество наделяют территориальной стигмой (дополнение Л. Ваканом теории стигмы И. Гоффмана (Wacquant, 2007; Wacquant, Slater, Pereira, 2014)). Она характеризуется формированием стереотипов и устойчивых мнений относительно района — навязываемых как внешними акторами, так и изнутри, жителями стигматизированной территории. Эксклюзия характеризуется выключенностью изолированной социальной группы из основных социально-экономических процессов города, что лишает их доступа к благам и возможностям, имеющимся у большинства горожан.

Поскольку стигматизация и эксклюзия в нашей концептуальной рамке рассматриваются как следствия изоляции, для их возникновения нужны барьеры: изоляция априори возникает при наличии какого-то отделяющего или разделяющего объекта или феномена. Взгляды «чикагцев» на взаимосвязь разных форм изоляции и барьеров разнятся. Вирт подчеркивал, что изоляция, особенно символическая, вынуждает сообщества сплачиваться и создавать альтернативные институты и иные формы коллективного взаимодействия (Wirth, 1928; Wirth, 1939). Взгляды более поздних представителей чикагской школы и их последователей отличаются. У. Корнхаузер, признавая за изоляцией и социальной атомизацией мощные инструменты сплачивания общества, подчеркивал, что в результате возникают не всегда конструктивные формы социального поведения — массовые движения (Kornhauser, 1959). У. Дж. Уилсон на материале афроамериканских гетто разработал теорию андеркласса, в рамках которой социальная изоляция не только отчуждает сообщества от других, но и разрушает их внутренние связи (Wilson, 1980; Wilson,1987). Все эти авторы, а также одни из самых первых исследователей пространственной изоляции Парк и Берджесс (Park, Burgess, McKenzie, 1925) сходятся в том, что значимую роль в возникновении любой «человекоцентричной» формы изоляции (социальной, ментальной, символической) играет пространственная (или физическая) изоляция.

Исследовательский вопрос данной статьи связан с поиском следов влияния барьеров городской среды на изоляцию отдельных районов Мурманска. Этот вопрос родился, выражаясь языком «чикагцев» и их единомышленников, «экологически» в процессе более комплексного изучения территорий. «Экологической» в течение 1920—1950-х гг. часто называли сегрегацию по месту жительства (Jahn, Schmid, Schrag, 1947; Bell, 1954), продолжая тем самым идею об экологической сукцессии в городе. Начав работу в поле, мы обнаружили немало свидетельств существования сильной изоляции отдельных территорий и сообществ, что стало основным предметом исследования.

Методология и методика исследования

Идея проведения полевого исследования родилась в ходе Арктической летней школы[1] (далее — АЛШ). В ее рамках была поставлена проблема пространственной изоляции трех районов Мурманска — Петушинки, Жилстроя и Рослякова. При этом Жилстрой не был объектом исследования в рамках АЛШ, но он был добавлен для сопоставления с соседней, но более изолированной физическими барьерами Петушинкой.

В качестве центрального объекта исследования сегрегации в Мурманске была выбрана именно Петушинка, а районы Росляково и Жилстрой, имеющие схожую доступность и менее выраженные досегрегационные процессы, используются для сравнения показателей социальной изолированности территорий. Понятие городского района в постсоветском городе многозначно: им могут называть и административно-территориальную единицу, и муниципальное образование, и вернакулярный район. В последнем случае к тому же

[1] Организована совместно Факультетом городского и регионального развития НИУ ВШЭ, Мурманским арктическим университетом (МАУ) и Правительством Мурманской области в июне — июле 2024 г.

нередко исходят из предположения о наличии такого района без подтверждения методами социологии и пространственного анализа. Границы изучаемых территорий определены авторами в ходе исследования. Они очерчивают вернакулярные районы, выявленные в ходе разработки мастер-плана Мурманска (результаты социологического исследования предоставлены авторам разработчиками — проектно-консалтинговой компанией «Новая Земля») и верифицированные научными сотрудниками Института креативных индустрий и предпринимательства МАУ, а также сотрудниками городской администрации. Границы исследуемых районов отражены на рис. 2.

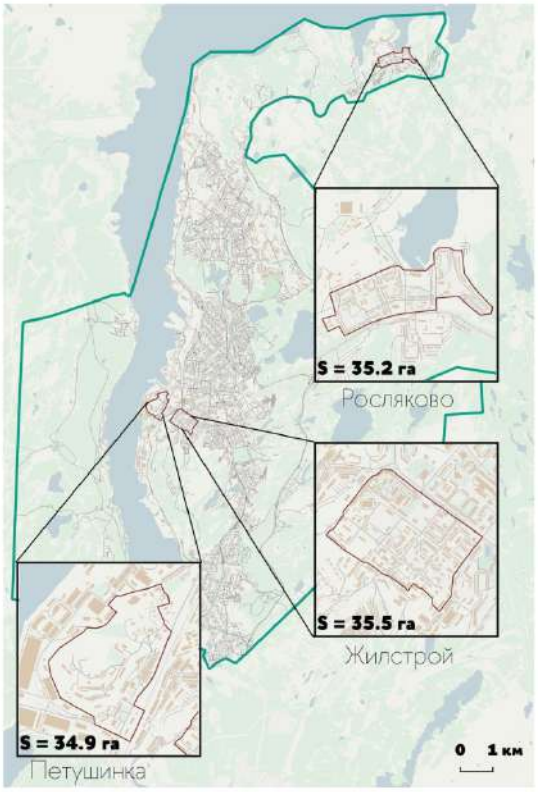

Рис. 2. Границы районов Петушинка, Жилстрой и Росляково

Анализ существующего положения районов мы предлагаем начать с рассмотрения базовых параметров площади, численности населения и физической изоляции от центра города. Если оценка площади была упрощена заранее проведенной делимитацией районов разработчиками мастер-плана Мурманска, то оценка численности населения потребовала полевого выезда и использования нескольких косвенных методов ее расчета.

Поскольку статистика по вернакулярным районам отсутствует, мы собрали информацию по каждому из зданий, находящихся на территории Петушинки, Жилстроя и Рослякова. По числу этажей и ориентировочному количеству квартир, оцененным в рамках полевого исследования (широко применяемый для таких оценок ресурс Дом.МинЖКХ не содержит достаточной

информации по большинству зданий на рассматриваемых территориях), с применением экспертной оценки среднего размера домохозяйства (2,3 человека на квартиру) мы рассчитали численность населения Петушинки и Жилстроя (численность населения Рослякова была оценена составителями мастер-плана, которые предоставили нам полученные данные).

Важным индикатором для оценки существующего положения районов стала их доступность относительно центра города. Доступность рассчитана с помощью приложения Яндекс.Карты как время, необходимое для преодоления расстояния от центра города (площади Пять Углов) до неизолированного объекта в центре каждого из районов, выступающего в качестве заметного аттрактора. Для выделения таких аттракторов в ходе наблюдения были оценены места наибольшей концентрации пешеходов. Для Петушинки аттрактором является Мурманский индустриальный колледж (ул. Фестивальная, 24), для Жилстроя — корпус Мурманского Арктического университета (ул. Спортивная, 13), для Рослякова — ДК «Судоремонтник» (ул. Заводская, 1). Расчет доступности проводился в 12:00 в понедельник для трех способов перемещения: пешком, на общественном транспорте и на личном автомобиле.

После оценки пространственной изоляции мы предлагаем рассмотреть ментальную изоляцию и сегрегационные процессы в трактовке представленной выше модели сегрегационных процессов. Для комплексного анализа обеих форм изоляции районов сформирован перечень параметров оценки, который сочетает в себе использование данных, полученных в ходе полевого исследования, с дистанционно собранной информацией (табл. 1).

Оценка уровня обеспеченности жилой площадью в многоквартирных домах. Показатель рассчитан по формуле

$$\text{Об} = \frac{\text{Пжил}}{\text{Нас}},$$

где Об — обеспеченность жилой площадью, Пжил — площадь жилых помещений на территории, Нас — население территории.

Площадь жилых помещений вычисляется по формуле

$$\text{Пжил} = (\text{Ппод} \times \text{Э} - \text{Ппод} \times \text{Энж}) \times 0{,}75,$$

где Ппод — площадь подошвы здания; Э — количество этажей здания; Энж — количество этажей, не выполняющих жилую функцию; 0,75 — коэффициент пересчета суммарной поэтажной площади жилых зданий в общую площадь.

Доступные статистические данные по многоквартирным домам в Мурманске (ДОМ.МИНЖКХ — единственный портал с большими объемами данных) неполноценны, а часть из них неточна. Так, например, на сайте ДОМ.МИНЖКХ в жилом доме по адресу: ул. Фестивальная, 9 отмечен всего 1 жилой этаж, в то время как в реальности их 9, что было обнаружено в ходе полевого исследования. Вследствие этого в настоящей работе данные о жилой площади рассчитываются вручную, и они могут иметь незначительные погрешности.

Оценка доли аварийности многоквартирных домов. Показатель вычисляется по формуле

$$\text{Авр} = \frac{\text{Кав}}{\text{Кмкд}} \times 100\%,$$

где Авр — аварийность многоквартирных домов; Кав — количество аварийных домов; Кмкд — количество многоквартирных домов на территории.

Таблица 1. Перечень оцениваемых параметров

Параметр	Сегрегационный процесс	Тип изоляции	Метод оценки
Пешая доступность от центра города	Эксклюзия	Пространственная	Расчет по данным Яндекс.Карт
Доступность от центра города на общественном транспорте	Эксклюзия	Пространственная	
Доступность от центра города на личном автомобиле	Эксклюзия	Пространственная	
Барьерность среды вокруг района	Эксклюзия	Пространственная	Визуальный анализ в поле, картографирование
FAR (floor area ratio)	Эксклюзия	Ментальная/ пространственная	Расчет по данным пространственного анализа
Обеспеченность жилой площадью	Стигматизация/эксклюзия	Ментальная/ пространственная	Расчет по результатам визуального анализа в поле
Доля аварийных домов от общего числа	Стигматизация/эксклюзия	Ментальная/ пространственная	Расчет по данным мастер-плана
Стоимость м^2 жилья	Соц.-эк. концентрация	Ментальная/ пространственная	Расчет по данным «Авито»
Стоимость аренды однокомнатной квартиры	Соц.-эк. концентрация	Ментальная/ пространственная	
Индекс Херфиндаля — Хиршмана для объектов бизнеса	Эксклюзия	Ментальная/ пространственная	Расчет по данным Яндекс.Карт и полевых выездов
Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры (ИОСИ)	Эксклюзия	Ментальная/ пространственная	
Оценка стигматизации (только для Петушинки)	Стигматизация	Ментальная	Полевые экспресс-интервью

Примечание. Составлено авторами.

Данные об аварийных домах взяты из материала, актуализированного и предоставленного в июне 2024 г. в ходе консультации с разработчиками мастер-плана Мурманска. Этот показатель наиболее актуален для Мурманска, поскольку в городе существует проблема наличия большого количества юри-

дически установленного[2] аварийного жилья, непригодного для проживания. Сравнивая территории по показателю аварийности, можно выделить наименее развивающиеся районы, имеющие потенциал к развитию посредством реконструкции или замены аварийного жилья.

Оценка средней стоимости 1 м² жилья. Данные взяты с сервиса «Авито», поскольку только там представлены свежие объявления о продаже квартир на всех территориях (в популярном сервисе ЦИАН недостаточно данных для расчета средней стоимости 1 м² жилья для Мурманска). Показатель рассчитывается как среднее арифметическое цены всех объявлений (всего 56 различных объявлений), опубликованных с июля по сентябрь 2024 г., в расчете на квадратный метр.

Оценка средней стоимости аренды жилья. Данные о стоимости аренды жилья взяты с сервиса «Авито», где представлено наибольшее количество объявлений на всех территориях. Поскольку в Петушинке были представлены только однокомнатные кавариры, то сравнение проводилось по этому показателю. За июль — сентябрь рассмотрены 38 объявлений, после чего рассчитывался средний показатель.

Оценка плотности застройки с учетом этажности. Для расчета показателя плотности застройки используется индекс FAR (floor area ratio), который вычисляется по формуле:

$$FAR = \frac{\text{Азд}}{\text{Ауч}},$$

где FAR — это отношение общей площади всех этажей здания к площади земельного участка, на котором оно построено; Азд — суммарная площадь всех этажей здания по внутреннему периметру; Ауч — площадь ячейки (территории) (Тиняева, 2013).

Площадь здания вычисляется по формуле:

$$\text{Азд} = \text{Ппод} \times \text{Э},$$

где Ппод — площадь подошвы здания; Э — количество этажей здания.

Оценка уровня активности и разнообразия бизнеса. Для расчета показателя активности и разнообразия бизнеса используется индекс HHI (индекс Херфиндаля — Хиршмана).

$$HHI = \left(\frac{X1}{X}\right)^2 + \left(\frac{X2}{X}\right)^2 + \cdots + \left(\frac{Xn}{X}\right)^2,$$

где HHI — индекс Херфиндаля — Хиршмана; $X1$, $X2$, Xn — число объектов бизнеса по категориям (1, 2, …, n); X — число всех объектов бизнеса (Matsumoto, Merlone, Szidarovszky, 2012). Категории объектов бизнеса: продуктовые магазины, вещевые магазины, аптеки, заведения питания, автомобильное обслуживание, хостелы/гостиницы, салоны красоты, пункты выдачи заказов.

Оценка уровня обеспеченности объектами социальной инфраструктуры. Для оценки обеспеченности объектами социальной инфраструктуры

[2] В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом».

мы предлагаем использовать взвешенный показатель среднего геометрического долей трех групп: «образование», «медицина», «культура и спорт». Предложенный индекс обеспеченности объектами социальной инфраструктуры (ИОСИ) математически аналогичен индексу человеческого развития (ИЧР).

$$\text{ИОСИ} = \sqrt[3]{\text{О} \times \text{М} \times \text{КС}},$$

где О — доля объектов блока «образование»; М — доля объектов блока «медицина», КС — доля объектов блока «культура и спорт».

Таблица 2. Гайд-интервью

Вопросы для жителей района	**Что хотим выяснить?**
Расскажите о жизни в вашем районе. Нравится ли вам здесь жить? Какие наиболее интересные места есть в вашем районе?	Общее впечатление/мнение жителей
Считаете ли вы свой район благополучным? Как вы думаете, что не хватает району?	Степень внутренней стигматизации
Как часто вы бываете в центральной части Мурманска? С какой целью?	Степень выключенности района из социально-экономической жизни города
Как обычно вы проводите время в своем районе?	Повседневные практики жителей
Хотели бы переехать?	Привязанность к району / наличие ограничений по переезду
Вопросы для работников/студентов района	
Как вы добираетесь до работы/учебы? Удобно ли вам добираться до работы/учебы?	Доступность района
Куда здесь сходить? Куда вы обычно ходите в свободное время?	Повседневные практики
Считаете ли вы Петушинку благополучной? Что не хватает району?	Общее впечатление и степень внешней стигматизации
Хотели ли бы вы переехать сюда, чтобы жить рядом с работой?	Степень внешней стигматизации
Вопросы для местной администрации	
Как принято называть эту территорию в рамках градостроительной политики?	Официальное название района
Какие планы существуют на развитие Петушинки (улицы Фестивальной)?	Взгляд городских властей на будущее района
Есть ли планы по повышению пешей и транспортной доступности Петушинки? Если да, то что они в себя включают?	Намерения администрации повысить доступность района
Сколько человек живет в Петушинке и какой там состав населения?	Точное число жителей района, состав населения

Оценка стигматизации — качественный показатель, который представлен только для района Петушинка как наиболее стигматизированного по результатам оценки существуюшего положения. Качественное исследование территории включает в себя анализ полуструктурированных экспресс-интервью, социальных сетей, СМИ и экспертных интервью с представителя-

ми местной администрации. В ходе качественного контент-анализа были изучены мурманские паблики Вконтакте, местные телеграм-каналы, а также новостные сайты, такие как «51.ру» и «Вечерний Мурманск».

В результате полевого исследования было взято 23 интервью у представителей различных групп пользователей территории, встречаемых на улицах Петушинки (табл. 2). Возраст респондентов варьировался от 18 до 70 лет, доля мужчин составила 43 %, женщин — 57 %, большая часть респондентов — лица трудоспособного возраста — 65 %, отдельно стоит выделить выпускников колледжа — 22 %. Качественные данные (цитаты) по другим районам мы получили при полевом исследовании для летней школы, а жителей Петушинки интервьюировали целенаправленно для данного исследования.

Пространственная изоляция районов Петушинка, Жилстрой и Росляково

Все три рассматриваемых района имеют явно негативную репутацию и воспринимаются как что-то во всех отношениях отдаленное. Каждый из районов в ходе интервьюирования наделялся экспертами (чаще всего почти не бывавших на их территории) и местными жителями (как самих районов, так и других мест в Мурманске) стигматизирующими ярлыками: «проблемный», «там нечего делать», «так себе», «бедный», «отдаленный». Жилстрой и Росляково, однако, нередко получали и позитивные оценки, в то время как Петушинка воспринималась почти исключительно негативно. К ней применялись откровенно пейоративные оценки: «гетто», «криминальный», «наркоманский притон».

Как правило, в подобных категориях рассуждали местные жители, но характерное высказывание прозвучало и от одного из сотрудников администрации: «Вы когда туда пойдете, лучше не называйте район Петушинкой… Там такой контингент, что они не оценят». В этой фразе достаточно легко считывается намек на «свойственное» существенной части населения данного района инкорпорирование культурного капитала, в терминах Бурдье (Bourdieu, 1986: 243), аккумулированного под влиянием пенитенциарной системы. Ввиду чрезвычайной сложности этого влияния подобные оценки выступают исключительно в качестве наложенной на район стигмы.

Площадь районов практически идентична (Петушинка — 34,9 га, Жилстрой — 35,5 га, Росляково — 35,2 га), а численность населения различается существенно. Население Петушинки было оценено в 1500 человек, Жилстроя — 3000 человек, Рослякова — 6000 человек. Полученные результаты оценки верифицированы в рамках полуструктурированных интервью с сотрудниками городской администрации, ответственными за территориальные единицы (округа), в которых расположены эти районы.

Для Петушинки соотношение времязатрат составило 30, 35, 10 мин (пешком, на общественном транспорте и на личном автомобиле), для Жилстроя — 25, 13, 6 мин, для Рослякова — 163, 35, 25 мин соответственно. Причинами столь заметной дифференциации стали два основных фактора физической изоляции: удаленность района и барьерность среды вокруг него. Рассмотрим их для каждого из районов; барьерность городской среды вокруг Петушинки отражена на рис. 3.

Петушинка — один из старейших жилых районов Мурманска, он сформировался в 1917 г. Свое название он получил из-за расположения в относительной близости к Петушиной сопке. Относительность расположения (есть

районы в большей близости к сопке) иллюстрирует имплицитную периферизацию района при взгляде из центра: он находится как бы в стороне Петушиной сопки.

Рис. 3. Барьерность городской среды вокруг Петушинки

Территория района зажата между Мурманским рыбным портом и железнодорожными путями. Чтобы попасть на территорию района пешком из основной части Мурманска, необходимо пройти через овощебазу и перейти железнодорожные пути, где нередко останавливаются торговые составы и перекрывают вход и выход из Петушинки на несколько часов. Других переходов через железную дорогу нет, а альтернативный проход сильно затруднен из-за рельефа. Большая часть домов Петушинки стоят на склонах небольшой безымянной сопки, а ведущая из центра улица с говорящим названием Подгорная расположена значительно ниже и к тому же лишена тротуара на значительной части своей протяженности. Поэтому переход через железную дорогу и пешеходный мост над Подгорной улицей фактически безальтернативен. На машине или автобусе в район можно попасть через единственный въезд, который находится под мостом. На этом въезде нередко возникают пробки, поскольку это единственная дорога на выезд из Мурманска в этом направлении.

Петушинка представляет собой случай заблокированной сукцессии: группа не перемещается в более благополучные районы не потому, что не стремится к «допуску», а потому, что физические барьеры делают сам переход невозможным. Железная дорога, территория порта и единственный въезд под мостом выступают здесь механизмом фиксации состояния изоляции. Физическая среда в этом случае не опосредует социальные процессы, а сама становится их триггером: если у «чикагцев» сукцессию запускала конкуренция за террито-

рию, то в Мурманске ее блокирует рельеф. Соответственно, объяснительная схема Мюрдаля — с ее акцентом на застревание и воспроизводство негативных эффектов — для Петушинки оказывается точнее, чем оптимистичная модель Берджесса, де-факто разрушенная секторной моделью Хойта.

В районе нет ни одной аптеки или супермаркета, лишь небольшой продуктовый магазин с ценами выше среднего по городу, поэтому переход на другую сторону железной дороги становится регулярной необходимостью для жителей любого возраста. Значительную часть территории Петушинки при этом занимают закрытые ограждениями территории (предназначение которых выявить затруднительно), часто охраняемые собаками. Это снижает и досуговую активность жителей. Функциональное зонирование Петушинки представлено на рис. 4.

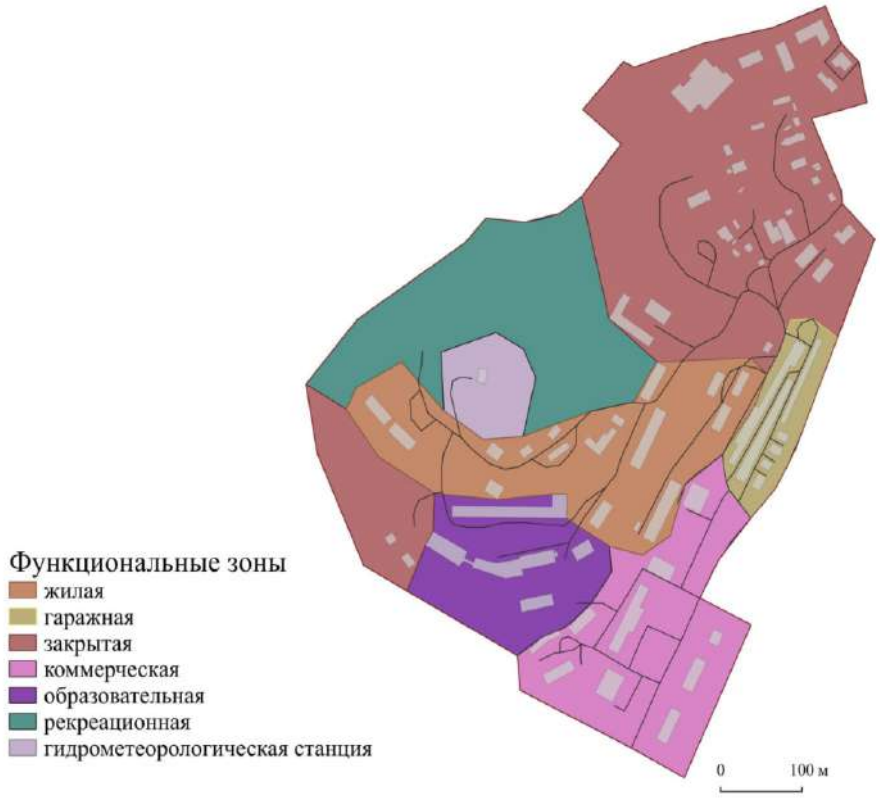

Рис. 4. Функциональное зонирование Петушинки

Заметен дисбаланс между функциями, необходимыми для местных жителей, и функциями, ориентированными на внешнего потребителя. Последние включают в себя и объекты городского значения (гидрометеостанцию), и не до конца идентифицируемые закрытые территории. Иными словами, район не обладает достаточным функциональным наполнением для комфортного проживания.

Иная ситуация наблюдается в районе Жилстрой: под стать названию, жилая функция в нем резко преобладает (рис. 5). Район имеет оптимальное географическое положение: из центра до него можно добраться примерно за одно и то же время, что обосновывает здесь расположение одного из главных

корпусов Мурманского Арктического университета (который занимает значительную часть территории района). Другой общегородской функцией, которая не создает вокруг себя чрезмерно барьерную среду, является крупная ветеринарная клиника.

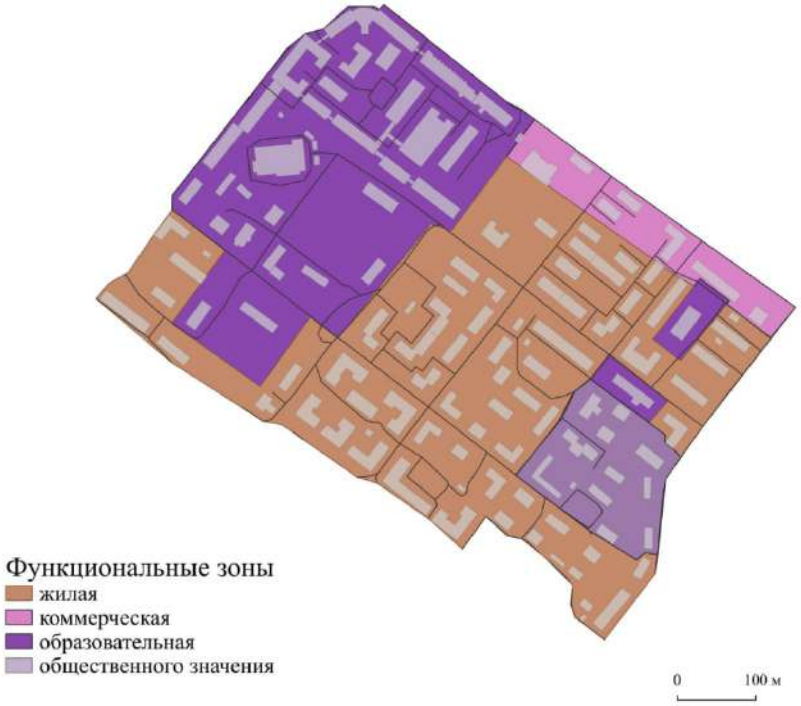

Рис. 5. Функциональное зонирование Жилстроя

Низкая барьерность и лучшая — относительно Петушинки — функциональная сбалансированность Жилстроя дополняется «простым» рельефом без сильных естественных преград. Жилая застройка района значительно старше, чем в центре города и даже в Петушинке, но поддерживается в хорошем состоянии. Здесь преобладают малоэтажные каменные дома постройки 1930—1950-х гг., но также присутствуют и деревянные бараки — «деревяшки», как их называют в Мурманске.

Росляково сильнее всего удалено от центра города и на протяжении большей части своей истории, которая на 20 лет длиннее истории Мурманска (1896 г. против 1916 г.), в его состав не входило. С 1951 по 2015 г. прежде самостоятельный поселок стал частью закрытого города Североморск, составив с ним базу Северного морского флота.

Вследствие своего отдаленного положения и особенностей развития территории в составе ЗАТО можно отметить ментальную изоляцию территории: некоторые жители до сих пор не считают себя мурманчанами и часто ностальгируют по советскому периоду истории поселка. Так, бывший директор местного ДК «Судоремонтник» высказывал надежду на возобновление закрытого режима функционирования Рослякова для обслуживания нужд Северного морского пути. Как и в случае с Петушинкой, портовая зона отделена от собственно территории района, поэтому в ней преобладает жилая функция (рис. 6).

Росляково во многом сохраняет свою автономность от Мурманска. На его территории есть все необходимые элементы инфраструктуры, но ощущается нехватка рабочих мест. Поэтому тотальной изоляции не наблюдается: жители бывшего поселка регулярно ездят в Мурманск на работу, воспринимая эту практику как маятниковую миграцию из пригорода.

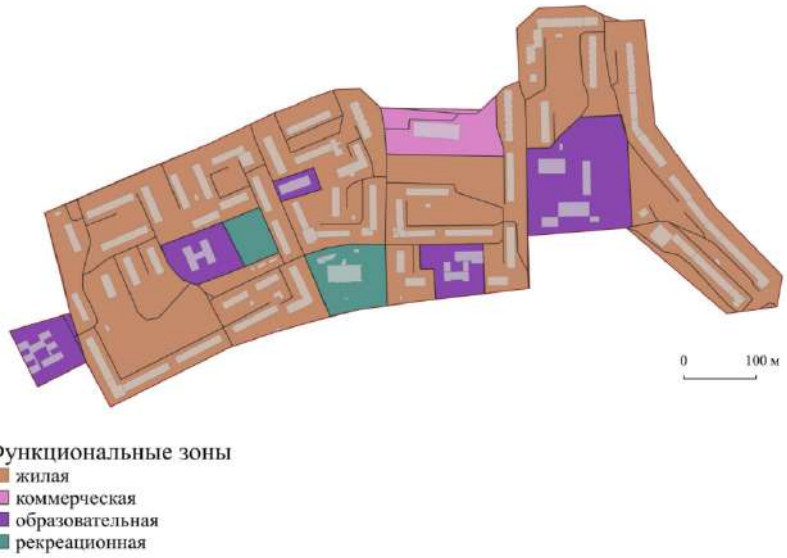

Рис. 6. Функциональное зонирование Росляково

Анализ существующего положения районов показал, что Петушинка и Росляково обнаруживают признаки и пространственной, и ментальной изоляции. В первом случае это связано с барьерностью городской среды, а во втором — с удаленностью и длительной историей существования вне Мурманска. Жилстрой — район с относительно изношенной застройкой — в значительной степени интегрирован в городскую ткань Мурманска и обладает достаточно устойчивой локальной идентичностью. Однако в районах, не относящихся к престижным, этот фактор может свидетельствовать о социальной изоляции (Curley, 2010; Waerniers, 2017).

Результаты и дискуссия

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ трех жилых районов Мурманска. Полученные результаты оценок по всем параметрам отражены в табл. 3.

Наименьшая обеспеченность жилой площадью наблюдается в Петушинке (12 м^2/чел.), а наибольшая — в Жилстрое (28 м^2/чел.), однако в Рослякове значение не сильно меньше (26 м^2/чел.). В Петушинке располагается всего 11 жилых домов, а большинство жителей проживает в двух 9-этажных «гостинках» (приватизированные общежития), в которых стандартная комната имеет площадь 12 м^2. При разговоре с местными жителями было подтверждено, что они проживают в комнатах от 8 до 15 м^2. При этом расчеты не учитывают трудовых мигрантов, проживающих на территории района. Как отметили жители, они селятся в основном на первом этаже общежития в гостинице, а также оставляют после себя много мусора на улице, что не нравит-

ся другим жителям. Некоторые жители используют выражение «понаехали» в отношении мигрантов.

Таблица 3. Параметры изоляции изучаемых районов

Параметр	Петушинка	Жилстрой	Рослякoво
Пешая доступность от центра города, мин	30	25	163
Доступность от центра города на общественном транспорте, мин	35	13	35
Доступность от центра города на личном автомобиле, мин	10	6	25
Барьерность среды на входе на территорию района	Высокая	Низкая	Низкая
FAR (floor area ratio)	0,08	0,3	0,56
Обеспеченность жилой площадью, м^2/чел.	12	28	26
Доля аварийных домов от общего числа, %	82	13	0
Стоимость м^2 жилья, руб.	102 352	101 533	88 562
Стоимость аренды однокомнатной квартиры, руб.	15 500	30 000	23 000
Индекс Херфиндаля — Хиршмана для объектов бизнеса	0,006	0,014	0,085
Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры (ИОСИ)	0	0,014	0,112

В Мурманске все еще сохраняются старые деревянные многоквартирные дома («деревяшки»), полностью или частично заселенные. Сегодня практически все такие дома признаны аварийными. Исходя из данных, предоставленных разработчиками мастер-плана, в районе Петушинки практически все жилые дома являются аварийными (9 из 11), только две «гостинки» не признаны аварийными. В Жилстрое всего 6 из 46 домов являются аварийными, однако по результатам визуального анализа мы сделали вывод, что их может быть до 12.

В Рослякове нет аварийных домов, что связано с повышенным качеством жилья для жителей бывшей закрытой территории и повышенным вниманием администрации к данному району. Практически вся территория Петушинки находится в пределах санитарно-защитной зоны от гидрометеорологической станции, и строительство новых многоквартирных домов там запрещено, при сносе всего аварийного жилья в районе может остаться всего две жилых «гостинки».

На фоне других показателей выделяется дифференциация средней стоимости квадратного метра. В Петушинке на данный момент наибольшее значение этого показателя (102,4 тыс. руб.), в Рослякове наименьшее (88,6 тыс. руб.), в Жилстрое — 101,5 тыс. руб. Низкие показатели цены в Рослякове, согласно интервью, связаны с его отдаленным положением от центра Мурманска. Относительно высокие цены за квадратный метр в Петушинке объяснить труднее. Возможно, высокие цены на квартиры сформированы расположением рядом с портом: рабочие и моряки создают неожиданно высокий спрос на квартиры в этом районе, поскольку из любого другого района дос-

туп к порту сильно затруднен барьерами. Косвенно это подтверждается тем, что у нескольких респондентов среди знакомых на территории района есть работники порта.

Если посмотреть на показатель стоимости арендного жилья, то наименьшее значение наблюдается именно в Петушинке (15,5 тыс. руб. за однокомнатную квартиру), в то время как в соседнем районе Жилстрое средняя цена однокомнатной квартиры — 30 тыс. руб., а в Рослякове — 23 тыс. руб. В интервью жители района неоднократно подчеркивали, что те из них, кто арендует жилье, выбирали именно по принципу наиболее доступных цен, как правило, оставляя другую квартиру в пользование детям или сдавая в аренду для повышения дохода.

Показатель FAR (floorarea ratio) сильно разнится на рассматриваемых территориях: 0,08 в Петушинке, 0,3 в Жилстрое, 0,56 в Рослякове. Мы использовали этот показатель для оценки «рыхлости» территорий как барьера для формирования устойчивых социальных связей. Жители Рослякова в интервью подчеркивают, что среда созразмерна их повседневным практикам («Мы всех соседей по двору знаем в лицо, здороваемся, следим за детьми на площадке»), в Жилстрое схожие комментарии звучали реже, в то время как в Петушинке жители «гостинок» ощущали отчуждение от жителей других домов. Исходя из комментариев сотрудников городской администрации, Петушинка не застраивается новым жильем, потому что она «на отшибе» и обладает «плохой репутацией». То есть очевидна взаимосвязь плотности городской среды с ментальной изоляцией и стигматизацией, а также с нехваткой доступа к возможностям, предоставляемым слабыми связями с соседями.

Наименьшее значение оценки уровня активности и разнообразия бизнеса отмечено в Петушинке (0,006), а наибольшее — в Рослякове (0,085), в Жилстрое показатель составляет 0,014. Такое распределение вызвано пространственной изоляцией Петушинки: бизнес на территории не окупается (потоков пешеходов практически нет), а в Рослякове наибольшее количество объектов бизнеса, что связано с де-факто автономным функционированием локальной системы розничной торговли повседневного спроса. Это иллюстрирует разный характер пространственной изоляции: основанная на барьерах, она оказывает негативное влияние на экономику города сильнее, чем основанная на удаленности от центра.

Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры в Жилстрое больше, чем в Рослякове (0,144 против 0,112), что связано с формированием в первом небольшого медицинско-фармакологического кластера. В Петушинке отсутствуют какие-либо спортивные, культурные и медицинские объекты, что обнуляет значение показателя; на территории района из социальных объектов располагаются только школа и детский сад.

Мурманские СМИ упоминают Петушинку лишь в негативном контексте, называя территорию «ужасом нашего города» или «мурманским гетто». В социальных сетях о Петушинке позитивно отзываются только люди, которые жили в районе в 1970—1980-х годах — такие комментарии оставлены под постами с воспоминаниями и старыми фотографиями. Ностальгию по позднесоветской эпохе и своего рода ресентимент относительно передачи рыбного порта новым собственникам, считающейся корнем всех бед района, разделяют и информанты в интервью. Дискурс извне района формирует образ

криминального, неблагополучного. Иногда как позитивный контрпример выделяется Мурманский индустриальный колледж, расположенный на территории района.

Жители Петушинки зачастую не считают себя жителями Мурманска, для них поход в магазин становится походом «в город», а некоторые представители администрации даже не знают, что в этой части города кто-то проживает («разве его еще не расселили?»). Идентичность при этом несколько рассеивается, потому что название Петушинка сильно стигматизировано — в основном извне. Жители часто теряются при вопросе «как называется этот район?», либо пытаясь вспомнить его административную принадлежность к одному из округов Мурманска, либо называя его «Фестивалка», «район улицы Фестивальной». Эта отсылка к главной улице района, названной в честь Всемирного фестиваля молодежи и студентов, часто вызывает прилив ностальгии и негативную оценку сегодняшнего состояния района.

Местные жители считают себя брошенными: «Никто ничем не интересуется… Если бы интересовались, такого беспорядка бы не было». Помимо этого, студенты Мурманского индустриального колледжа, которые не живут в Петушинке, а каждый день приезжают на территорию из других районов города, отмечают, что «сюда тяжело добираться, такси до сюда не доезжает», что подтверждает изолированность территории и может быть связано с нежеланием таксистов приезжать в данный район (с такой же проблемой столкнулись авторы в ходе исследования). Помимо этого студенты отмечают, что им «было страшно в какие-то моменты, особенно когда была зима, очень холодно, нужно было идти через овощебазу, еще через железнодорожные пути…». В Петушинке же помимо своего колледжа студенты ничего не знают («никогда не ходили за территорию колледжа»), несмотря на то что в ходе интервью общение происходило с выпускниками, получившими в этот день диплом об окончании обучения в колледже (длительность программ — от 2 до 5 лет).

Проблему с такси также отмечали жители района, говоря, что «таксисты даже не очень хотят ехать сюда, машину повредить боятся». Жители Мурманска, проживающие вне территории Петушинки, отмечают, что «туда лучше не ходить», а работник мурманской больницы говорит, что «в Петушинку никто не хочет ехать на вызовы, так как это может быть опасно».

Недостаток внимания к данной территории со стороны городской администрации, стигматизация со стороны таксистов, водителей скорой помощи и жителей других районов Мурманска приводит к еще большему отчуждению и обособлению Петушинки. Полноценно оценить уровень преступности не представляется возможным, но местные жители в интервью отмечали, что кроме наркопотребления и имущественных правонарушений, как правило, их спокойствие ничем не нарушается. Отношение к криминальному образу района у жителей скорее горько-ироничное: «Да, наркоманов у нас было много. Но они почти все умерли в пандемию. А те, что остались, мы их знаем, это наши наркоманы. От них нет особых проблем, только чудят иногда». Очевидно также длительное действие стигматизации, сформированной преступностью в 1990-е гг.: «раньше тут могли порезать, но это в далеком прошлом». Учитывая, что жители Петушинки (или Фестивалки?) не склонны молчать о проблемах своего района, можно предположить, что, по крайней мере по их субъективному мнению, криминальность района сильно преувеличена.

Эти наблюдения иллюстрируют стигму по Гоффману — специфический тип отношения между качеством и стереотипом, рассогласование между истинной и виртуальной социальной идентичностью. Выделенные им три основные формы стигмы (физические изъяны — abominations of the body, личностные недостатки — blemishes of individual character и стигма рода — tribal stigma) были дополнены Ваканом недостатками места (blemishes of place) — т. е. такой стигматизацией, при которой житель района приобретает в восприятии других людей навязанные ярлыки по факту рождения или проживания в стигматизированном районе. Особенно ярко это проявилось в представленной выше фразе сотрудника администрации «…лучше не называйте район Петушинкой… Там такой контингент, что они не оценят»).

Мы надеемся, что проведенный нами анализ станет началом серии работ по апробации концепции сегрегационных процессов и ее доработки по результатам полевых исследований. Были освещены не все аспекты сегрегации: так, детально не оценивалась этническая концентрация. Роль мигрантов в формировании изоляции и негативного образа Петушинки осталась не до конца ясной: многие жители говорят об их многочисленности, но среди респондентов мигрантов почти не было. Вероятно, они находились на рабочих местах — по свидетельствам жителей и сотрудников администрации, они в основном заняты в коммунальных службах.

Также нами осознанно не дается «конечный» вывод о том, является ли Петушинка (а только она позиционируется в таком ключе) гетто. Несмотря на то, что в будущем хотелось бы попробовать дестигматизировать этот термин и придать ему многогранное значение, сложившееся в исследованиях американских городов (или найти ему аналог — такой, как «банлье» во Франции), сама постановка вопроса таким образом лишь стала бы очередным элементом стигматизирующего дискурса.

Наконец, есть определенные ограничения анализа и с точки зрения его репрезентативности. Хотя для сравнения была проведена оценка параметров изоляции и смежных процессов для двух других периферийных районов, возможным направлением будущего исследования мог бы стать сплошной анализ всех нецентральных районов Мурманска. Впрочем, это потребует глубокой проработки символического пространства города с повсеместным выделением вернакулярных районов, что, очевидно, превышает привычный объем научной статьи.

Заключение

Проведенное исследование показало, что район Петушинка сильно изолирован в пространственном и ментальном отношениях. Вследствие наличия физического барьера в виде железной дороги, а также слабо развитой транспортной инфраструктуры доступность Петушинки понижена. Жители района ощущают изолированность от основной части города, которая подкрепляется популярностью негативных стереотипов о Петушинке.

Здесь заметно выражены сегрегационные процессы эксклюзии, стигматизации и отчасти — концентрации жителей с доходом ниже среднего уровня по Мурманску. Это особенно сильно проявляется на фоне соседней территории (Жилстрой) и сильно изолированного района в отдаленной части города (Росляково). Район Жилстрой наименее всего подвержен влиянию сегрегаци-

онных процессов, а в Рослякове все еще сохраняются эффекты долгого пребывания в составе ЗАТО Североморск.

Низкие показатели обеспеченности жилой площадью Петушинки по сравнению с другими районами свидетельствуют об относительной перенаселенности. При этом наблюдается высокая степень износа домов, что показывает бесперспективность района с точки зрения городской администрации. Также это косвенно отражает низкий уровень дохода населения, из-за которого местные жители не могут позволить себе сменить место жительства. В сочетании с наблюдаемой социальной атомизацией, воспроизводимой «рыхлостью» городской среды, это создает условия для аккумуляции негативных эффектов в соответствии с теорией Мюрдаля.

Показатели цены 1 м^2 жилья и стоимости аренды квартир не коррелируют между собой при сравнении трех районов, можно лишь отметить, что наиболее стабильный показатель наблюдается в Жилстрое, а ментальная изолированность Петушинки и Рослякова оказывает влияние на данные показатели (в случае Петушинки на показатель аренды, в случае Росляково — на показатель цены за 1 м^2). Бизнес в Петушинке развит хуже, чем в схожих районах, что приводит к сильной эксклюзии от социально-экономической жизни Мурманска. Вынужденные «походы в город», а именно в ближайший торговый центр на территории Жилстроя, лишь отнимают время и желание у местных жителей посещать центр города, усиливая ментальную изоляцию.

Негативные социально-экономические процессы, дурная слава и мощнейшая пространственная изоляция Петушинки вступают в конвергенцию, взаимно усиливают и воспроизводят друг друга. Схематически это похоже на сегрегированные районы Чикаго, которые изучали Парк, Берджесс, Вирт и последователи. В отличие от классиков, мы не рассматриваем город как арену конкуренции между сообществами, а районы — как прокси «пищевой цепочки», относительного положения в структурах доминирования и подчинения.

Проведенное исследование позволяет уточнить и соотношение разных традиций изучения сегрегации. Чикагская школа описывает сегрегацию как результат социальной дистанции и рыночной конкуренции; мурманский материал показывает, что сегрегация может возникать там, где социальная дистанция минимальна, а физическая — максимальна. Мюрдаль объясняет изоляцию институциональным расизмом; в Петушинке изоляция воспроизводится инерцией городской политики, «незаметностью» периферии и «рыхлостью» самой городской среды. Это указывает на необходимость выработки более широкой рамки, в которой пространственные барьеры рассматриваются как самостоятельный фактор сегрегации, а не как производная социальных отношений.

Сегодня Мурманск находится перед серьезным вызовом — депопуляцией и риском быстрого сжатия. Хотелось бы надеяться, что рост внимания к столице Заполярья — как практиками при разработке мастер-плана, так и академическими исследователями — не оставит в стороне и Петушинку. Опыт ревитализации районов в разных городах России показывает, что идея Хойта о «рациональности» закрепления паттернов сегрегации и неравенства неактуальна, поскольку городская жизнь — это игра с ненулевой суммой, и «впустят» не только того, кто «первым постучит».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алов И. Н. Подходы к количественной оценке пространственной сегрегации в российских городах // Городской альманах. 2022. Т. 9. С. 77—89.

Алов И. Н. Разработка концепции и методологии изучения внутригородской социально-пространственной сегрегации в российских городах. Аналитический отчет. М.: Фонд «Институт экономики города», 2020. 47 с.

Алов И. Н. Эволюция концепций пространственной сегрегации в городах США // Региональные исследования. 2021. № 1(71). С. 107—117.

Беллоу С. Приключения Оги Марча / Пер. В. И. Бернацкой, Е. В. Осеневой. М.: АСТ, 2010. 736 с.

Глазычев В. Л. Глубинная Россия, 2000—2002. М.: Новое издательство, 2003. 323 с.

Махрова А. Г., Голубчиков О. Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 26—31.

Тиняева Н. В. Параметры жилой среды // Architecture and Modern Information Technologies. 2013. № 1(22).

Трущенко О. Е. Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. 112 с.

Bell W. A Probability Model for the Measurement of Ecological Segregation // Social Forces. 1954. Vol. 32. No. 4. Pp. 357—364.

Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Richardson J. G. (ed.). New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241—258.

Clark K. B. Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power. New York: Harper, 1965. 296 p.

Cressey P. F. Population Succession in Chicago: 1898—1930 // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. No. 1. Pp. 59—69.

Curley A. M. Relocating the Poor: Social Capital and Neighborhood Resources // Journal of Urban Affairs. 2010. Vol. 32. No. 1. Pp. 79—103.

Fujita N. Myrdal's Theory of Cumulative Causation // Evolut Inst Econ Rev. 2007. Vol. 3. Pp. 275—284.

Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. The Measurement of Ecological Segregation // American Sociological Review. 1947. Vol. 12. No. 3. Pp. 293—303.

Kaplan D. H., Woodhouse K. Research in ethnic segregation II: Measurements, categories and meanings // Urban Geography. 2005. Vol. 26. No. 8. Pp. 737—745.

Kornhauser W. The Politics of Mass Society. New York: Free Press, 1959. 256 p.

Louf R., Barthelemy M. Patterns of Residential Segregation // PLoS ONE. 2016. Vol. 11. No. 6. Pp. 1—20.

Matsumoto A., Merlone U., Szidarovszky F. Some notes on applying the Herfindahl–Hirschman Index // Applied Economics Letters. 2012. Vol. 19. No. 2. Pp. 181—184. DOI: 10.1080/13504851.2011.570705

Michney T. M. How the City Survey's Redlining Maps Were Made: A Closer Look at HOLC's Mortgagee Rehabilitation Division // Journal of Planning History. 2021. P. 153851322110133. DOI: 10.1177/15385132211013361

Myrdal K. G. An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy. New York: Harper & Bros, 1944. 1483 p.

Newby R. G. Segregation, desegregation, and racial balance: Status implications of these concepts // The Urban Review. 1982. Vol. 14. No. 1. Pp. 17—24.

Park R. E. The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment // American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. No. 5. Pp. 577—612.

Park R. E. The urban community as a spatial pattern and a moral order // Urban social segregation, 1926. Pp. 21—31.

Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City. University of Chicago Press, 1925. 239 p.

Peach C. Good segregation, bad segregation // Planning Perspectives. 1996a. Vol. 11. No. 4. Pp. 379—398.

Peach C. The meaning of segregation // Planning Practice & Research. 1996b. Vol. 11. No. 2. Pp. 137—150.

Rosenthal E. Acculturation without assimilation? The Jewish Community of Chicago, Illinois // American Journal of Sociology. 1960. Vol. 66. No. 3. Pp. 275—288.

Rothstein R. The Color of Law: A Forgotten History of How Our Government Segregated America. New York: Liveright, 2017. 368 p.

Rovner M. The Social Science of Segregation: Between the Charitable surveys of the Progressive Era and the Appraisal surveys of the New Deal Era // Journal of Planning History. 2021. Vol. 20. No. 4. Pp. 326—337.

Thomas W. I., Park R. E., Miller H. A. Old World Traits Transplanted. New York: Harper & Brothers, 1921. 308 p.

Ueland J., Warf B. Racialized Topographies: Altitude and Race in Southern Cities // Geographical Review. 2010. Vol. 96. No. 1. Pp. 50—78.

Van Der Laan Bouma-Doff W. Involuntary Isolation: Ethnic Preferences and Residential Segregation // Journal of Urban Affairs. 2007. Vol. 29. No. 3. Pp. 289—309.

Wacquant L. Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality // Thesis Eleven. 2007. Vol. 91. No. 1. Pp. 66—77.

Wacquant L., Slater T., Pereira V. B. Territorial Stigmatization in Action // Environment and Planning A: Economy and Space. 2014. Vol. 46. No. 6. Pp. 1270—1280.

Waerniers R. Neighborhood and Identity: An Explorative Study of the Local and Ethnic Identities of Young Ethnic Minorities in Belgium // City & Community. 2017. Vol. 16. No. 4. Pp. 380—398.

Ware L. Plessy's Legacy: The Government's Role in the Development and Perpetuation of Segregated Neighborhoods // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 92—109.

Wilson W. J. The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions. University of Chicago Press, 1980. 243 p.

Wilson W. J. The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy. University of Chicago Press, 1987. 261 p.

Wirth L. Social Interaction: The Problem of the Individual and the Group American // Journal of Sociology. 1939. Vol. 44. No. 6. Pp. 965—979.

Wirth L. The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928. 306 p.

Wright II E. The first American school of sociology: W.E.B. Du Bois and the Atlanta Sociological Laboratory. London: Routledge, 2017. 144 p.

Research Article

Ivan N. Alov ✉

Candidate of Geography, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), HSE University. 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia; e-mail: ialov@hse.ru; alov-in@rudn.ru

Dmitry S. Matveev

Student, HSE University. 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: dmsematveev@edu.hse.ru

SOCIAL ISOLATION AS A CONSEQUENCE OF URBAN ENVIRONMENT BARRIERS: A CRITICAL REAPPRAISAL OF THE CHICAGO SCHOOL'S IDEAS BASED ON THE CASE OF MURMANSK

Abstract. The applicability of classical concepts of segregation to the analysis of post-Soviet cities remains a matter of debate, which necessitates the development of adapted research approaches. The aim of this article is to develop and test a methodology for assessing segregation processes through the analysis of emerging isolation of urban districts, considered as a complex of socio-spatial and mental characteristics that constrain internal and external interactions. The study is based on the example of three districts of Murmansk (Petushinka, Zhilstroy, Roslyakovo) with varying degrees of isolation. A set of field methods was employed: mapping, semi-structured interviews with residents and administration representatives, and visual analysis. The data were supplemented by an analysis of socio-economic indicators (housing prices, infrastructure provision, transport accessibility, etc.). It is revealed that isolation is formed by a combination of physical barriers, remoteness, stigmatization, and features of local identity. Using the example of the Petushinka district, it is shown that it is precisely this combination of characteristics that generates segregation processes of exclusion and stigmatization. The tested concept makes it possible to analyze segregation not as a static pattern but as a dynamic process rooted in the specific conditions of a Russian city. The developed approach, focusing on the process of isolation and the interrelationships of various barriers, adapts classical theories of urban inequality to the post-Soviet context and allows for the identification of mechanisms of socio-spatial stratification in the conditions of contemporary Russian cities.

Key words: isolation, segregation, urban environment barriers, urban inequality, Murmansk.

For citation: Alov I. N., Matveev D. S. (2026) Social isolation as a consequence of urban environment barriers: a critical reappraisal of the Chicago school's ideas based on the case of Murmansk. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 3, pp. 5—32 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2026_3_5

REFERENCES

Alov I. N. (2020) *Razrabotka kontseptsii i metodologii izucheniya vnutrigorodskoi sotsial'no-prostranstvennoi segregatsii v rossiiskikh gorodakh. Analiticheskii otchet* [Development of a Concept and Methodology for Studying Intraurban Socio-Spatial Segregation in Russian Cities. Analytical Report]. Moscow: Institute for Urban Economics. 47 p. (in Russian).

Alov I. N. (2021) Evolution of concepts of spatial segregation in US cities. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no 1, pp. 107—117 (in Russian).

Alov I. N. (2022) [Approaches to the quantitative assessment of spatial segregation in Russian cities]. *Gorodskoi al'manakh* [City Almanac], vol. 9, pp. 77—89 (in Russian).

Bell W. (1954) A Probability Model for the Measurement of Ecological Segregation. *Social Forces*, vol. 32, no. 4, pp. 357—364.

Bellow S. (1953) *The Adventures of Augie March.*

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Richardson J. G. (ed.). New York: Greenwood Press. Pp. 241—258.

Clark K. B. (1965) *Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power.* New York: Harper. 296 p.

Cressey P. F. (1938) Population Succession in Chicago: 1898—1930. *American Journal of Sociology*, vol. 44, no. 1, pp. 59—69.

Curley A. M. (2010) Relocating the Poor: Social Capital and Neighborhood Resources. *Journal of Urban Affairs*, vol. 32, no. 1, pp. 79—103.

Fujita N. (2007) Myrdal's Theory of Cumulative Causation. *Evolut Inst Econ Rev*, vol. 3, pp. 275—284.

Glazychev V. L. (2003) *Glubinnaya Rossiya, 2000—2002* [Deep Russia, 2000—2002]. Moscow: New Publishing House. 323 p. (in Russian).

Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. (1947) The Measurement of Ecological Segregation. *American Sociological Review*, vol. 12, no. 3, pp. 293—303.

Kaplan D. H., Woodhouse K. (2005). Research in ethnic segregation II: Measurements, categories and meanings. *Urban Geography*, vol. 26, pp. 737—745. DOI: 10.2747/0272-3638.26.8.737

Kornhauser W. (1959) *The Politics of Mass Society*. New York: Free Press. 256 p.

Louf R., Barthelemy M. (2016) Patterns of Residential Segregation. *PLoS ONE*, vol. 11, no. 6, pp. 1—20.

Makhrova A. G., Golubchikov O. Yu. (2012) [Russian town under capitalism: social transformation of intraurban space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Lomonosov Geography Journal], no. 2, pp. 26—31 (in Russian).

Matsumoto A., Merlone U., Szidarovszky F. (2012) Some notes on applying the Herfindahl–Hirschman Index. *Applied Economics Letters*, vol. 19, no. 2, pp. 181—184. DOI: 10.1080/13504851.2011.570705

Michney T. M. (2021) How the City Survey's Redlining Maps Were Made: A Closer Look at HOLC's Mortgagee Rehabilitation Division. *Journal of Planning History*, p. 153851322110133. DOI: 10.1177/15385132211013361

Myrdal K. G. (1944) *An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy*. New York: Harper & Bros. 1483 p.

Newby R. G. (1982). Segregation, desegregation, and racial balance: Status implications of these concepts. *The Urban Review*, vol. 14, no. 1, pp. 17—24. DOI: 10.1007/BF02173962

Park R. E. (1915) The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment. *American Journal of Sociology*, vol. 20, no. 5, pp. 577—612.

Park R. E. (1926) The urban community as a spatial pattern and a moral order. *Urban social segregation*. Pp. 21—31.

Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. (1925) *The City*. University of Chicago Press. 239 p.

Peach C. (1996a). Good segregation, bad segregation. *Planning Perspectives*, vol. 11, no. 4, pp. 379—398. DOI: 10.1080/026654396364817.

Peach C. (1996b). The meaning of segregation. *Planning Practice & Research*, vol. 11, no. 2, pp. 137—150. DOI: 10.1080/02697459650036297.

Rosenthal E. (1960) Acculturation without assimilation? The Jewish Community of Chicago, Illinois. *American Journal of Sociology*, vol. 66, no. 3, pp. 275—288.

Rothstein R. (2017) *The Color of Law: A Forgotten History of How Our Government Segregated America*. New York: Liveright. 368 p.

Rovner M. (2021) The Social Science of Segregation: Between the Charitable surveys of the Progressive Era and the Appraisal surveys of the New Deal Era. *Journal of Planning History*, vol. 20, no. 4, pp. 326—337.

Thomas W. I., Park R. E., Miller H. A. (1921) *Old World Traits Transplanted*. New York: Harper & Brothers, 308 p.

Tinyaeva N. (2013) Residential area parameters. *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 1 (in Russian).

Trushchenko O. E. (1995) *Prestizh tsentra. Gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve* [The Prestige of the Center: Urban Social Segregation in Moscow]. Moscow: Socio-Logos, 112 p. (in Russian).

Ueland J., Warf B. (2010) Racialized Topographies: Altitude and Race in Southern Cities. *Geographical Review*, vol. 96, no. 1, pp. 50—78.

Van Der Laan Bouma-Doff W. (2007) Involuntary Isolation: Ethnic Preferences and Residential Segregation. *Journal of Urban Affairs*, vol. 29, no. 3, pp. 289—309.

Wacquant L. (2007) *Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality*. *Thesis Eleven*, vol. 91, no. 1, pp. 66—77.

Wacquant L., Slater T., Pereira V. B. (2014) Territorial Stigmatization in Action. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 46, no. 6, pp. 1270—1280.

Waerniers R. (2017) Neighborhood and Identity: An Explorative Study of the Local and Ethnic Identities of Young Ethnic Minorities in Belgium. *City & Community*, vol. 16, no. 4, pp. 380—398.

Ware L. (2021) Plessy's Legacy: The Government's Role in the Development and Perpetuation of Segregated Neighborhoods. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, vol. 7, no. 1, pp. 92—109.

Wilson W. J. (1980) *The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions*. University of Chicago Press. 243 p.

Wilson W. J. (1987) The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy. University of Chicago Press. 261 p.

Wirth L. (1928) *The Ghetto*. Chicago: University of Chicago Press. 306 p.

Wirth L. (1939) Social Interaction: The Problem of the Individual and the Group American. *Journal of Sociology*, vol. 44, no. 6, pp. 965—979.

Wright II, E. (2017). *The first American school of sociology: W.E.B. Du Bois and the Atlanta Sociological Laboratory*. Routledge. 144 p.

Поступила в редакцию 04.05.2026 *Received 04.05.2026*

Принята в печать 07.10.2026 *Accepted for publication 07.10.2026*